

ПУШКИН и РЫЛЕЕВ

I

Во всех собраниях сочинений Пушкина, без всяких оговорок, под названием «Чаадаеву» и под 1818 годом печатается следующее послание:

Любви, надежды, тихой славы¹⁾
Недолго тешил нас обман:
Исчезли юные забавы,
Как дым, как утренний туман.

Но в нас кипят еще желанья.
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванья.

Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты сладкого свиданья.

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души высокие порывы.

Товарищ, верь: взойдет она,
Заря пленительного счастья.

¹⁾ Обычно этот стих обесмысливается: «Любви, надежды, гордой славы», между тем, как в послании противопоставляется «тихая слава», обман которой недолго тешил гордой славе революционера—освободителя «отчизны».

Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена.

В 1916 году автор настоящей заметки делал доклад в Петербургском Пушкинском обществе по поводу этого послания и доказывал, что принадлежность его Пушкину может быть весьма и весьма оспариваема. Сведения об этом докладе проникли в печать, но нисколько не поколебали уверенности редакторов полных собраний сочинений Пушкина (равно как и биографов-исследователей Пушкина), продолжающих безоговорочно включать это послание в собрания сочинений Пушкина и делать выводы на основании его о политических взглядах Пушкина до ссылки его на юг в 1820 году. Главные доводы против принадлежности послания «Любви, надежды, тихой славы» Пушкину были дважды повторены мною в 1922 году (в первом и втором изданиях «Первой главы науки о Пушкине») и, как можно думать, с тем же успехом. Повторять те же доводы при таких условиях вряд ли имело бы смысл, если бы не нашлись новые документальные данные, подтверждающие вполне высказанные мною раньше положения. Суммируем прежде сказанное, дополнив новыми данными, позволяющими более уверенно говорить о спорности приписывания этого послания Пушкину по большей вероятности того, что оно принадлежит поэту-революционеру Рылееву.

Каковы данные, свидетельствующие о том, что Пушкин является автором послания «Любви, надежды, тихой славы»?—

1) Послание «Любви, надежды, тихой славы» появилось впервые в печати вместе с подлинно-пушкинскими пьесами в альманахе Бестужева-Рюмина на 1829 год «Северная Звезда» за подписью *Ап.*

2) Послание «Любви, надежды, тихой славы» имеет связь с подлинно-пушкинским посланием Чаадаеву 1820 года («К чему холодные сомненья?»); второе является как бы ответом на первое. Революционное послание Чаадаеву (якобы) оканчивается стихами:

Товарищ, верь: взойдет она,
Заря пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена.

Дружеское послание Чаадаеву имеет заключительным аккордом стихи:

Ч... , помнишь ли бывшее?
Давно ль с восторгом молодым
Я мыслил имя роковое
Предать развалинам иным?
Но в сердце, бурями смиренном,
Теперь и лень, и тишина,
И в умиленьи вдохновенном,
На камне, дружбой освященном,
Пишу я наши имена.

3) Прекрасный, чисто пушкинский стих послания «Любви, надежды, тихой славы» свидетельствует, что никто другой, кроме Пушкина, не мог быть автором его. (К сожалению, стих Пушкина и стих современных ему поэтов настолько мало исследованы, что этот довод никак не аргументируется, а выражение «чисто-пушкинский стих» надо понимать, как субъективное восприятие того или иного стиха, как стиха, принадлежащего или не принадлежащего Пушкину—бедная русская наука!).

4) В пользу авторства Пушкина говорит и авторитет Анненкова, который располагал многими материалами, не дошедшими до нас; Анненков не только без всяких колебаний включил это послание в свое издание сочинений Пушкина (1855 года), но и точно датировал его 1818 годом. (Заметим в скобках, что авторитет Анненкова настолько велик в глазах очень многих наших пушкиноведов и пушкинистов, что свидетельству Анненкова они часто доверяют гораздо больше, чем прямому указанию самого Пушкина).

5) Послание «Любви, надежды, тихой славы» известно с именем Пушкина в очень многих списках—если и несовременных Пушкину, то близких к его эпохе.

6) Немаловажным доводом в пользу авторства Пушкина является, наконец, и упорная, почти вековая традиция особенно сильная в русских политических и литературных заграничных кругах и кружках (в полном виде это послание сперва появилось за рубежом).

Таковы доводы в пользу предположения, что Пушкин является автором послания «Любви, надежды, тихой славы», и эти доводы очень серьезны и основательны, поскольку они говорят о возможности авторства Пушкина. Несмотря на очень

сильные доводы против, мы не станем оспаривать этой возможности и даже вероятности. Но от возможности, от вероятности, от предположения до категорической уверенности и безапелляционного утверждения—расстояние весьма большое, и потому мы не считаем лишним трудом обнаружить шаткость каждого из выводов, шаткость, которая говорит о недопустимости включения послания «Любви, надежды, тихой славы» в собрания сочинений Пушкина:

1) В «Северной Звезде» на 1829 год за подписью *Ап.* были помещены пьесы Пушкина, но среди них (за той же подписью) были помещены и заведомо-непушкинские пьесы, и потому этот факт сам по себе еще не является убедительным доводом. Скажем более того: факт помещения послания «Любви, надежды, тихой славы» в «Северной Звезде» среди пушкинских стихотворений скорее говорит против, чем за авторство Пушкина. Объяснимся. Появление стихов в «Северной Звезде» вызвало возмущение Пушкина, который написал следующую заметку:

«Г-н Бестужев в предисловии какого-то альманаха благодарит какого-то Ап. за доставление стихотворений, объявляя, что не все удостоились напечатания.

Г-н Ап. не имел никакого права располагать моими стихами, исправлять их по-своему и отсылать в альманах г. Бестужева вместе с собственными произведениями¹⁾, преданные мною забвению или написанные не для печати (например, «Она мила, скажу меж нами»), или которые простиительно мне было написать на 19 году, но непростительно признать публично в возрасте более зрелом и степенном (например, «Послание к Ю.»).

О том же, о том, что не одно, а более, чем одно из напечатанных Бестужевым стихотворений не принадлежит ему, Пушкин говорит—и еще определеннее—в черновике этой заметки: «В числе пьес, доставленных г-ном Ап., некоторые принадлежат мне в самом деле, другие мне вовсе неизвестны».

Если бы и не было фактического подтверждения содержания этой заметки, вряд ли можно было бы подозревать искренность Пушкина, утверждающего, что «некоторые» пьесы принадлежат ему в самом деле, а «другие» вовсе неизвестны: если бы

¹⁾ Курсив наш. М. Г.

Пушкин хотел скрыть от других и от себя свое авторство пьес, преданных им забвению или написанных не для печати, или тех, которые «простительно» ему было написать на 19-м году, но «непростительно» признать публично в возрасте более зрелом, то он и отрекся бы от них; между тем, он не только не делает этого, но даже называет некоторые пьесы, которые ему «непростительно признать публично» (например, «Послание к Ю.»).

Скептики могли бы, однако, упорствовать в утверждении неискренности Пушкина, если бы—гораздо позже—кн. П. А. Вяземский не доказал, что «Элегия» (О, ты, которая издетства), напечатанная в «Северной Звезде» среди стихотворений за подписью *Ап.*, принадлежит не Пушкину, а ему, Вяземскому, и представляет отрывок из его поэмы «Негодование».

Из 7 стихотворений «Северной Звезды», подписанных *Ап.*, одно отпадает, как несомненно непушкинское: какое или какие еще стихотворения не принадлежат Пушкину (если верить его заметке, не верить которой нет решительно никаких оснований)? Из других 6 пьес авторство двух признано Пушкиным в этой же заметке: «К приятелю, сравнивавшему глаза одной девицы с южными звездами»—стихи, написанные не для печати (например, «Она мила, скажу меж нами»)—и «Послание к Юрьеву»—стихи, которые ему «непростительно признать публично в возрасте более зрелом и степенном (например, «Послание к Ю.»). Пушкин упрекал г-на *Ап.* в том, что последний не имел права «поправлять по-своему» его стихи—и, надо сказать, имел полное основание упрекать. Сличение автографа послания Пушкина к Орлову с печатным текстом («Северной Звезды») послания «К***, отсоветовавшему мне вступить в военную службу» убедительно говорит о том, как *Ап.* «поправлял по-своему», уродовал стихи Пушкина. Лицейский пустяк—«Будущая эпитафия»—конечно, относится к стихам, «преданным забвению» Пушкиным, но сохранившийся автограф как этой пьесы, так и послания к Каверину («К...ну»)—свидетельствует с полной очевидностью об авторе.

Таким образом, из 7 пьес, напечатанных в «Северной Звезде» за подписью *Ап.*, 5 пьес несомненно принадлежат Пушкину («К приятелю, сравнивавшему глаза одной девицы с южными звездами», «Будущая эпитафия», «К***, отсоветовав-

шему мне вступить в военную службу», «К.....ну» и «к Ю....у»), одна («Элегия»—О, ты, которая издетства) несомненно не принадлежит Пушкину, и одна—послание «к NN» (Любви, надежды, тихой славы)—является спорной, если не верить черновику и чистовику заметки Пушкина (для чего, повторяем, нет решительно никаких оснований), и бесспорно не принадлежащей Пушкину, если доверять его свидетельству, в целом и в частности подтверждаемому фактами.

2) Связь спорного послания «Любви, надежды, тихой славы» и Пушкинского послания 1820 года Чаадаеву—несомненна, но не следует ни преувеличивать ее, ни обнаруживать ее в том, в чем она не имеет места. Прежде всего заметим, что связь эта (быть может, чисто случайная) заключается не в содержании, а только в образе—и в том, и в другом послании авторы «пишут имена»: в одном случае благодарное потомство пишет на обломках самовластья имена освободителей «отчизны», в другом случае—поэт пишет на камне, «дружбой освященном», имя свое и своего друга.

Несмотря на известную близость образов, нельзя в то же время не отметить очень глубокого отличия в самой манере: в подлинно-пушкинском послании характерна та ясность, та конкретность образов, которая вообще отличает Пушкина—поэт пишет имена на конкретном камне, в то время, как автор спорного послания заставляет писать имена освободителей отчизны на отвлеченных «обломках самовластья». Всякая другая связь произвольна; так, нельзя без большой натяжки и еще большего самовнушения установить связь между заключительными стихами послания:

Товарищ, верь: взойдет она,
Заря пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена.

— И обращением Пушкина к Чаадаеву:

Ч***, помнишь ли бывшее?
Давно ль с восторгом молодым,
Я мыслил имя роковое
Предать развалинам иным?

Какое «имя роковое» хотел Пушкин «предать развалинам иным?»—При наличии внутренней связи между обоими посланиями таким «роковым именем» могло бы быть имя «самовластья», если бы только самовластье было именем, и если бы только послание Пушкина к Чаадаеву, его черновики и письмо к Дельвигу (сопровождающее это послание) не говорили о том, что под «именем роковым» надо подразумевать конкретное имя женщины, внушавшей поэту страсть. Достаточно даже не проанализировать, а просто прочесть послание Пушкина к Чаадаеву («К чему холодные сомненья?»), чтобы понять, что нет решительно никакой внутренней связи между обоими посланиями: послание Пушкина к Чаадаеву 1820 года состоит из двух параллельных частей—мифологической и личной—и в обоих страсть противопоставляется дружбе, и нет никакого неуместного намека на свержение «самовластья». На основании же такого сходства в образах, как писание имен, можно любому автору приписать десятки и сотни произведений других авторов.

3) На довод о прекрасном, чисто пушкинском стихе трудно отвечать, когда он не подкрепляется никаким анализом чисто пушкинского стиха и не чисто пушкинского стиха пушкинской эпохи: для того, чтобы доказать анализом стиха принадлежность той или иной пьесы Пушкину, надо доказать не только возможность того, что ее написал Пушкин, но и невозможность того, что ее написал кто-либо другой из поэтов пушкинской эпохи (что, очевидно, невозможно,—особенно в данном случае). Не разбивая этого довода (так как он является слишком бездоказательным, голословным), сделаем только несколько замечаний.

Прежде всего, говоря вообще, не следует забывать, что прекрасным, чисто пушкинским стихом владел не один Пушкин, а очень многие поэты лучшей в истории русской поэзии эпохи. Обращаясь же к данному стихотворению, заметим, что если автором его является Пушкин, то Пушкин написал его не чисто пушкинским, а скорее рылеевским стихом и языком. В этом нас убеждают такие стихи, как «Под гнетом власти роковой», которые буквально повторяются в поэме Рылеева «Войнаровский».

Еще более поражает чисто рылеевское словоупотребление. Принеся в жертву личную жизнь, горя одной мечтой об освобождении «отчизны» от тиранов, в чем он видел свою «честь» (слово «честь» Рылеев понимает специфически, как общественно-политический долг), Рылеев в каждом стихотворении не толь-

ко более всех употребляет, но и злоупотребляет этими словами, постоянно склоняя «честь» и «отчизну». То же находим мы и в нашем спорном послании: сравните вторую и четвертую строфы:

Но в нас кипят еще желанья:
Под гнетом власти роковой¹⁾.
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванья...
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души высокие порывы.

Поразительно по-Рылеевски (или под Рылеева) звучат приведенные нами строфы!

4) Соглашаясь вполне с мнением о большой добросовестности и авторитетности Анненкова, мы тем не менее (на основании опыта) отказываемся исповедывать его непогрешимость в пушкиноведении вообще, а в данном случае особенно. Никакого труда не стоит доказать, что Анненков, включая послание «Любви, надежды, тихой славы» в свое издание сочинений Пушкина и датируя его 1818 годом, не располагал никакими не дошедшими до нас материалами, а слепо доверился очень неавторитетной «Северной Звезде», поместив послание под 1818 годом только на том основании, что надо же помещать стихотворения под каким-нибудь годом (приняв хронологический распорядок материала). Рядом, под одним и тем же 1818 годом Анненков перепечатал из «Северной Звезды» не только послание «Любви, надежды, тихой славы», но и элегию (как потом оказалось, кн. Вяземского) — «О, ты, которая из детства». Нужно ли комментировать этот факт?

5) Послание «Любви, надежды, тихой славы» известно в многочисленных списках с именем Пушкина, но.. оно известно также и с именами Дельвига и Рылеева (заметим, что по мере того, как крепла традиция, в более поздних списках пропадают имена Дельвига и Рылеева, что вполне естественно, так как послание «Любви, надежды, тихой славы» стало входить в собрания сочинений Пушкина). Таким образом, списки приписы-

¹⁾ Стих, повторенный Рылеевым в «Войнаровском».

вают спорное послание поэту-консерватору Дельвигу, поэту-либералу Пушкину и поэту-революционеру Рылееву. Было бы странно сколько-нибудь серьезно говорить о том, что послание может принадлежать Дельвигу, относившемуся враждебно ко всяким революционным вспышкам (См., например, его письмо к Баратынскому). Менее странно было бы авторство Пушкина, показывавшего в это время портрет студента Занда—убийцы Коцебу, и афишировавшего свое политическое вольномыслие, хотя нельзя не заметить того, что послание «Любви, надежды, тихой славы» стояло бы совершенно особняком среди стихотворений, написанных Пушкиным, в годы, предшествовавшие его ссылке на юг: Пушкин-поэт никогда не отрекался от своего чисто-поэтического служения, как это делает автор послания, устремляясь всецело к активно-революционной борьбе; Пушкин-либерал, не входивший ни в какую политическую революционную организацию, не будучи вождем, никак не мог серьезно думать о том, что на «обломках самовластья» будут имена... его и Чаадаева, который также не был активным политическим деятелем; но еще более странно после революционного восклицания 1818 году:

Товарищ, верь: взойдет она,
Заря пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена.

характерно—либеральное (и уже несомненно подлинное пушкинское) восклицание в следующем 1819 году — в «Деревне»:

Увижу ль я, друзья, народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя...

«Обломки самовластья» и «рабство, падшее по манию царя» — не совсем одно и то же!

Но если семантика послания только с очень малой степенью вероятности позволяет предположить авторство Пушкина, как меняется картина, если мы предположим, что автором послания является поэт-гражданин и революционер Рылеев, один из вождей декабрьского восстания, повешенный в числе пяти самых активных деятелей первого русского революционного движения, — Рылеев, настроенный более всего непримиримо в отношении власти и непризнававший никаких компромиссов, на которые

так склонно было итти большинство декабристов; в то время, как декабристы считали возможным цареубийство только в крайнем случае, Рылеев говорил с большим революционным пафосом:

Нет примиренья, нет условий,
Между тираном и рабом:
Тут надо не чернил, а крови,
Нам должно действовать мечом.

В послании «Любви, надежды, тихой славы», параллельно рылеевской лексике, развивается чисто-рылеевская тема многих его поэм и посланий (к жене и к Бестужеву)—«Я не поэт, я—гражданин»—отказ от всех радостей земных для одной цели—для «чести», которая требует посвятить «отчизне» души высокие порывы. Поэт-революционер Рылеев с большим, чем кто-либо другой из поэтов, правом мог восклицать:

Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена.

Чьи «наши» имена—Рылеева и—? На этот вопрос отвечает и ряд аналогичных посланий Рылеева к его другу и соратнику, А. А. Бестужеву, одному из главных вождей декабризма, повешенному вместе с Рылеевым, и те же списки, в которых послание адресовано Бестужеву, и в которых заключительная строфа читается несколько иначе, чем в полных собраниях сочинений Пушкина:

Бестужев, верь: взойдет она,
Заря плевительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена.

6) Традиция, в силу которой послание считается принадлежащим Пушкину, менее всего может быть серьезным доводом, а тем более документальным основанием, ибо традиция приписывала Пушкину много пьес (особенно политических), которые постепенно отпадали и продолжают отпадать от него. Эта традиция имеет долгую вековую историю: она началась еще при жизни Пушкина, и Пушкин жаловался на то, что, как каждое

порнографическое произведение приписывают Баркову, так каждое вольнолюбивое стихотворение приписывается ему. Особенно грешила этим приписыванием политических стихотворений Пушкину заграничная печать, которая таким образом способствовала распространению либеральных стихотворений.

Но как могли Герцен и Огарев не знать, что послание не принадлежит Пушкину? Оказывается, Огарев не только знал, что послание «Любви, надежды, тихой славы» не принадлежит Пушкину, но и заявлял об этом. В № 2, вышедшем 28 сентября 1872 года, очень мало известного листка «Свобода», издававшегося в Сан-Франциско бывшим наборщиком «Колокола», Агапием Гончаренко, напечатано письмо Огарева от 19 сентября 1872 года. В письме этом Огарев стихотворение

Товарищ, верь: взойдет она...

приписывает Рылееву, а не Пушкину¹⁾...

Сколько нам известно, в пушкинской литературе нет упоминаний об этом письме, подрывающем окончательно веру в авторство (или, по крайней мере, несомненное авторство) Пушкина.

II

Если в собраниях сочинений Пушкина печатается пьеса, которую с гораздо большим правом можно отнести к Рылееву, в собраниях сочинений Рылеева обычно печатается известная его песня «Ах, где те острова, где растет трень-трава, братцы» с таким нелепым окончанием:

Как капралы Петра
Провожали с двора
Тихо.

Как жена пред полком
Раз'езжала верхом
Лихо.

Как в ненастные дни
Собирались они
Часто.

¹⁾ Этим очень ценным сообщением мы обязаны С. Сватикову.

Гнули — бог им прости! —
От пятидесяти
На сто

И выигрывали,
И отписывали
Мелом.

Так в ненастные дни
Занимались они
Делом.

Нужно ли говорить о том, насколько не вяжется это окончание («Как в ненастные дни») с политической песенкой Рылева и Бестужева, как не вяжется этот ничем немотивированный переход. И насколько совершенно неоспоримо, что Рылеев является автором песни «Ах, где те острова», настолько же совершенно неоспоримо, что Пушкин является автором песни «А в ненастные дни», написанной на мелодию (или, как тогда говорили, на голос) очень распространенной в то время и хорошо известной Пушкину песни «Ах, где те острова». В Пушкинской литературе этот вопрос не считается еще окончательно решенным, несмотря на то, что Пушкин дважды и в двух разных редакциях приводит песню «А в ненастные дни», как ему принадлежащую: в письме (в нецензурной редакции) и в печати — в качестве эпиграфа к «Пиковой Даме». Пушкин щепетильно относился к чужим произведениям и никогда не забывал обозначать источник, из которого он заимствовал эпиграф (если эпиграф взят не из его же собственных произведений). Классическим примером такой добросовестности Пушкина является эпиграф в «Метели», два слова, взятые из поэмы Баратынского «Бал», два слова, которые могли бы встретиться где угодно (поэтому-то так долго наши пушкинисты не могли отыскать источник) — «Стрелялись мы» — и все же не забывает ставить имя автора:

Стрелялись мы.
Баратынский.

Если бы не существовало письма, в котором Пушкин сообщал свою песню, написанную на мелодию «Ах, где те острова», — и то а priori необходимо было бы предположить авторство Пушкина, письмо же его окончательно закрепляет за ним песенку «А в ненастные дни».

Как оказывается, кроме того, песенка Пушкина могла быть механически присоединена к политической песне-сатире Рылева и Бестужева только вследствие неисправности списков последней. Нам удалось найти один из самых авторитетных и исправных списков (графини Е. С. Ростопчиной) песни »Ах, где те острова», который и сообщаем ниже:

I

Ах! где те острова,
Где растет трень-трава,
Братцы?

Где читают Руссelle,
А летят под постель
Святцы?

Где играют цари
От зари до зари
В фанты?

Где Булгарин Фаддей
Не боится когтей
Танты?

Где Мордвинов молчит,
Аракчеев кричит:
Вольно?

Где не думает Гречь,
Что его будут сечь
Больно!

Где Измайлов чудак
Ходит часто в кабак —
Даром,

Где гусары попов
Обдают, как клопов,
Баром?...

К островам! к островам!
Братцы!

Кинем в рожу попам
Святцы!

Говори, говори
И всю правду скажи,
Бабка!

Кто сердит, пусть кричит!
А на воре горит
Шапка!

Говори, говори,
Как в России цари
Правят.

Говори поскорей,
Как в России царей
Давят.

Как капрала Петра
Проводили с двора
Тихо.

Как жена пред полком
Раз'езжала верхом
Лихо!

Как курносый злодей
Сел на троне за ней
Вскоре,

И немецкий мундир
Он надел на весь р—
Горе!

Как ни свет, ни заря,
Для потехи царя,
Рьяно,

У Фонтанки реки
Собирались полки
Ряпо.

Всякое присоединение к этой песне, рассчитанной на распространение в казарме, пушкинской — «А в ненастные дни» может быть только искусственным и механическим.

Что следует из всего сказанного выше? — Прежде всего то, что вопрос об авторе послания «Любви, надежды, тихой славы» является спорным, и до тех пор, пока он не будет решен окончательно, пока не будут найдены новые фактические данные,—

